
Константин Баршт

**«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
«ОРДЕН» И ИНЫЕ «НАГРАЖДЕНИЯ» МАКАРА
ДЕВУШКИНА. ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ**

1. Эпиграф

Эпиграф к роману «Бедные люди» представляет собой отрывок из памфлета Вл. Одоевского, оформленного в виде некролога вымышленному персонажу, Василию Кузьмичу Аристидову, и направленного против произведений Ф. Булгарина и другой бульварной литературы, имевшей большую популярность в 1840-ые гг. ¹ «Северная пчела» Ф. Булгарина культивировала мещанские добродетели и чиновничество, выражая их с помощью «приятных и усладительных» риторических формул. Молодой Достоевский присоединяется к сарказму Вл. Одоевского в отношении к «нравоучительной» литературе, его тезису о несовместимости настоящего искусства с агрессивным нравоучительным пафосом «дидактического» направления, которое олицетворял и возглавлял Ф. Булгарин. В эпиграфе к своему первому роману Достоевский указал на смысл своей деятельности как литератора, которому не изменял всю жизнь: стремление «восстановить в человеке человека», эта идея духовной реабилитации современника связывалась в его сознании с пробуждением скрытых творческих сил .

2. «Награждение» Макара Девушкина

В романе «Бедные люди» Макар Девушкин дважды говорит о своем несостоявшемся награждении орденом: «меня хотели даже раз к получению креста представить» (1; 47); «даже крестик выходил» (1; 62), а также об ожидаемом и возможном в будущем награждении денежной премией: «сорок рублей серебром награждения выходит» (1; 25). В связи с этим возникает вопрос о возможности и реальности этих награждений и, добавочно, необходимость разъяснения, почему ни одно из этих награждений так и не состоялось (денежный подарок начальника не в счет). Изучение вопроса также показывает, что у Девушкина все же была одна награда, о которой он умалчивает.

Согласно «Положению о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы (Петергоф, 3 июня 1842 года)»², в качестве наград чиновникам гражданской службы предусматривались: «1) чины, 2) ордена, 3) высочайшее благоволение, 4) звания камергеров и камер-юнкеров двора его императорского величества, 5) арендные деньги, 6) подарование земель, 7) прибавочное жалованье, 8) подарки от имени его императорского величества, 9) единовременные денежные выдачи, 10) признательность начальства, объявляемая с высочайшего соизволения»³. За обычную добросовестную службу, которая не сопровождалась совершением каких-то подвигов, «в вознаграждение ревностной и долговременной службы, не сопровождавшейся однако заслугами, выходящими из круга обыкновенных, предназначаются: 1) чины за выслугу установленного срока, по удостоению Правительствующего Сената, 2) ордена по статутам жалуемые, 3) обыкновенные подарки, 4) единовременные денежные выдачи, и 5) признательность начальства, объявляемая с Высочайшего соизволения»⁴. На получение этих наград и поощрений действовали следующие ограничения: нельзя было награждать одного и того же чиновника два года подряд⁵.

Судя по контексту «Бедных людей», у Девушкина нет орденов, при наличии одного он упоминал бы название своего будущего ордена — «вторая Анна» или «Третий Владимир», как тогда говорили. Употребляя слово «орден», он фиксирует отсутствие у него какого-либо ордена. Согласно части 3, параграфа 36 «Положения о наградах гражданских чиновников во время прохож-

дения службы», принятого в 1842 году, «при награждении орденами соблюдается следующая постепенность: Св. Станислава третьей степени, Св. Анны третьей степени, Св. Станислава второй степени, Св. Станислава той же степени с Императорской короною; Св. Анны второй степени; Св. Анны той же степени с Императорской короною, Св. Владимира третьей степени, Св. Станислава первой степени, Св. Анны первой степени, Св. Анны той же степени с императорской короною, Св. Владимира второй степени»⁶. Таким образом, Девушкин имеет в виду орден Св. Станислава III степени.

Основания для получения ордена Девушкин перечисляет, используя характерные формулировки и риторические фигуры, которыми пользовались составителями характеристик чиновников, рекомендуемых к поощрению: «служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. Как гражданин, считаю себя, собственным сознанием моим, как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетели. Уважаем начальством, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселе не оказывали мне особенных знаков благорасположения, но я знаю, что они довольны <...> в нарушении общественного спокойствия, в этом я никогда не замечен, этого не было; даже крестик выходил» (1, 62). Эти характерные канцеляризмы, очевидно, хорошо были знакомы Девушкину в именно в связи с представлением к «крестику». Однако орден Девушкин не получил, и современники хорошо понимали, на что намекал автор романа «Бедные люди», вышедшего в 1845 году.

Вероятно, это связано со скандалом, который произошел в России в период, когда писались «Бедные люди», и о котором не мог не знать Достоевский, сам находившийся в это время на государственной службе. В 1844 году в Правительстве рассматривался очередной вопрос о награждении большого числа низших чиновников орденом Св. Станислава третьей степени. Награждение чиновника подписывал лично Николай I, согласно его указу, для этого необходима не только фамилия отличившегося чиновника, но, еще до представления чиновника к награде, «отчет о состоянии вверенных этому ведомству частей». Это значило, что при неудовлетворительной работе ведомства просьба о награде могла быть отклонена⁷. Кроме того, в то время как, по мнению императора, награждение орденом «должно быть возмездием отличных

заслуг»⁸, ему был представлен весьма обширный круг претендентов, и Николай I, потрясенный неприличными, по его мнению, размерами списка представленных к ордену чиновников, тут же его дезавуировал. Этот случай вызвал два последствия: во-первых, большой общественный резонанс, выражавший обиду большого числа мелких чиновников, которым отказали в поощрении. Возможно, в этом списке был и Девушкин. Во-вторых, Николай I сделал из этой истории свои выводы, и с июля 1845 года награждение низшими степенями ордена Св. Станислава вообще было прекращено; возобновлено оно было лишь в 1855 году. Таким образом, Макар Девушкин, по всей видимости, в 1844 году претендовавший на орден, оказался за бортом этой программы и безо всяких перспектив к его получению. Нельзя не отметить также, что на этот орден, если бы он не оставил своей службы, очень скоро мог претендовать и сам Достоевский, причем в не очень отдаленной перспективе — через пару лет. И так же точно, как Макар Девушкин, с 1845 года он оказался лишенным такой возможности. Не случайно, видимо, орден Св. Станислава столь часто упоминается в произведениях писателя, например, именно этот орден имеет Ставрогин в романе «Бесы».

Что касается Девушкина, то он мог получить некоторые другие виды поощрения, за исключением подарка и высочайшего благоволения, которые не присуждались чиновникам ниже 8-го класса⁹. Помимо чинов и орденов, предусматривались многообразные виды поощрений деятельных и ответственных чиновников: «прочие из наград, в обыкновенном порядке жалуемых, предоставляются чиновникам, отличающимся неутомимым трудолюбием, похвальным во всех отношениях поведением и усерднейшим в сравнении с другими исполнением своих обязанностей»¹⁰. Девушкин, потерявший надежду на получение ордена, мог претендовать именно на это.

Политика таких поощрений чиновников во многом зависела от личных склонностей государя. Помимо уже упоминавшегося слишком длинного списка представленных к Св. Станиславу, можно привести пример, когда в 1820-ые годы некоторые ведомства стали злоупотреблять награждением подарками и Николай I потребовал, чтобы было «сколь возможно ограничено представление к подаркам, но чтоб вместо того удостаивать их к награждению третним, полугодовым или годовым окладом жалованья»¹¹.

Такую форму награды называет Девушкин, указывая сумму награждения — 40 рублей серебром (это около 150 р. ассигнациями). Это подтверждает годовой доход Девушкина; в соответствии с принятыми правилами, сумма награждения составляла половину годового заработка чиновника и всегда выдалась только серебряными рублями: «Денежная награда одному лицу не должна превышать годового оклада его жалованья...»¹². Видимо, он уже был представлен к этой награде за добросовестное исполнение своих обязанностей, однако не получил ее за регулярное нарушение формы одежды и выговор, связанный с ошибкой при переписывании важного документа.

Заметим, что сумма 40 рублей серебром связана не только с половиной годового оклада Девушкина, в романе «Бедные люди» она имеет и другое значение, хорошо известное современнику Достоевского. Именно эта сумма была помечена в «Своде правил о наградах, определяемых по удостоению комитета министров» в качестве наградной «за подвиги человеколюбия, с опасностью собственной жизни совершенных, но не подводящих под действие орденских статут»¹³. Помимо денег, человеку, совершившему подвиг человеколюбия, «всемилоостливейше жалуются, без различия состояния лиц, подвиги таковые оказавших, серебряные медали; а за особые подвиги или за спасение нескольких лиц, с особой опасностью, медали золотые, и те и другие с надписью: “За спасение погибающих”, на Владимирской ленте...»¹⁴. Достоевский, разумеется, отдавал себе отчет в том, что его роман «Бедные люди» есть описание «подвига человеколюбия», незаметно для многих совершаемого Девушкиным в отношении Вареньки Доброселовой. В «Своде правил...» указано, что любому лицу, такой подвиг совершившему, без различий пола, звания и социального происхождения, следует ожидать награждения таким знаком. Возможно, что в репликах Девушкина о возможном «награждении 40 рублями» звучит скрытая ирония Достоевского в отношении общества, плохо различающего истинное человеколюбие, реально существующее в общественной жизни.

Итак, у Девушкина не было ордена, равно как и перспектив его получить, и он не получил, из-за ряда служебных нарушений, денежного вознаграждения. Тем не менее, у него была одна правительственная награда, о которой он умалчивает в своих письмах к Вареньке. В августе 1827 года, для поощрения гражданских

чиновников, Николаем I был учрежден знак отличия беспорочной службы за пятнадцать и более лет нахождения в классных чинах. Этот знак представлял собой «квадратную сквозную пряжку серебряную позолоченную, на которой изображен дубовый венок, а в середине венка означено римскими цифрами число лет службы, за которые знак сей к выдаче назначен»¹⁵. Ежегодно, в день коронования Николая I, к этому знаку представлялись чиновники. В отличие от орденов, порядок присвоения которых был тесно связан с чином и наличием других орденов, получить такой знак могли «все без изъятия чины»¹⁶, причем любой чиновник мог сам, при наступлении срока его юбилея, подать прошение о выдаче ему такого знака¹⁷, что было строго запрещено в отношении всех других видов наград и поощрений, которые всецело зависели от начальства. Наличие такого знака, с любой цифрой выслуги (минимум — 15 лет), было условием представления к ордену. Следовательно, рассчитывая на получение своего первого ордена, Св. Станислава третьей степени, Девушкин уже имел такой знак. Об этом знаке, конечно, знала Варенька, так как «Знак отличия» носился постоянно, согласно уставу, он «никогда не снимается»¹⁸. Скорее всего, это был знак «За 25 лет беспорочной службы», так как он заменялся каждые последующие пять лет новым¹⁹. Старый знак сдавался особому чиновнику, ведавшему этими знаками²⁰.

Это была единственная награда, которую реально мог заработать любой чиновник и она мало зависела от отношения к нему начальства²¹. «Право быть пожалованными знаком беспорочной службы имеют исключительно те, кои во все время оной известны стали и по формулярным их спискам и в должностях, ими занимаемых, ревностными и усердными, и кои трудами постоянными, непоколебимой нравственностью и продолжительным прилежанием, оказали себя полезными и верными исполнителями в делах службы»²². Можно почти наверняка сказать, что хотя в скором времени грядет тридцатилетие служебного поприща Девушкина, он знака «30 лет беспорочной службы» уже не получит. В параграфе 22 наверняка известного ему «Статута знака отличия беспорочной службы» указано, что лишаются права на знак чиновники, «получившие от начальства своего во время службы выговор <...> за нерадение <...> поведение, противное ...порядку службы», «кто замечен слабым в отправлении обязанностей», или им были допущены «какие-либо беспорядки или неисправно-

сти», а также «кто огласится и изобличен будет в неприличном поведении»²³. Это прямо касается Девушкина, нарушившего 3 пункта из 11 приведенных в списке исключений. В параграфе 38 есть уточнение: если чиновник, получивший знак, будет вести себя неправильно или неудовлетворительно выполнять служебные обязанности, знак у него не отбирается, но и новый не вручается²⁴.

Кроме того, для получения Девушкиным какой-либо правительственной награды, он должен был иметь образцовый внешний вид, чего не было. В параграфе 48 указывается, что «к годовым представлениям о наградах, по особенным отличиям жалуемым, присоединяют объяснения о действиях и заслугах каждого...», и это должен делать непосредственный начальник чиновника²⁵. Поэтому начальник Девушкина был в затруднении, как обосновать его «награждение» орденом или денежной премией, выход из затруднения он нашел в том, что просто выдал ему деньги из собственного кармана. Более того, ближе концу повествования «Бедных людей» над Девушкиным нависла угроза быть преданным суду — история Горшкова здесь звучит как грозное предостережение. В те годы чиновник мог быть предан суду за нерадивость после «трех строгих и шести простых выговоров», а ведь два — за неисправный внешний вид и за испорченный документ — он уже получил²⁶. В качестве наказания могли также вычесть год или два стажа работы в должности, отодвинув время выхода на пенсию.

3. Птица поэзии

Символику «птицы-поэзии», весьма распространенной в русском и западноевропейском романтизме первой трети XIX века, мы встречаем в письме Достоевского конца 1830-х гг.: «Не залетит ко мне райская птичка поэзии, не согреет охладелой души <...> прежние мечты мои меня оставили и мои чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою...» (28, I; 54). Олицетворение этой «птички поэзии» Макар Девушкин видит в Вареньке Доброселовой, когда он пытается в своем письме к ней создать «чудные арабески» в псевдо-романтическом стиле: «Я даже и помечтал сегодня довольно приятно, и все об вас мечтания мои, Варенька. Сравнил я вас с птичкой небесной, на утеху людям и на украшение природы созданной. Тут же подумал я, Варенька, что

и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц — ну, и остальное все такое же, сему же подобное, то есть я такие сравнения отдаленные делал. У меня есть там книжка одна, Варенька, так в ней тоже самое, все такое же подробно описано» (1; 140). Возможно, что Девушкин вспоминает Библию, содержащую многочисленные упоминания «небесных птиц» в смысле естественной полноты жизни живого существа, пребывающего в лоне и во власти Провидения: «взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6: 26); «зерно горчичное <...> становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк. 4: 31—32); «птица небесная может перенести слово [твое], и крылатая — пересказать речь [твою]» (Еккл. 10: 20). Вероятно, говоря о «книжке», Девушкин имеет в виду одно из многочисленных популярных изданий, основанных на библейских текстах, которые были широко распространены в те годы (см. главку 15).

4. Занавеска и горшок с бальзаминном

В своем первом письме Девушкин отмечает как важный и памятный ему знак дорогого ему существа «уголочек занавески у окна» Вареньки, который «прицеплен к горшку с бальзаминном» (1; 13). Вероятно, это аллюзия на эпизод из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина, где повествователь вспоминает горестную историю Самсона Вырина: «Все это до ныне сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзаминном и кровать с пестрой занавескою...»²⁷.

5. Пруд и роща

Варенька, описывая свою жизнь на природе, указывает маршруты своих прогулок: «на пруд, или в рощу, или на сенокос, или к жнецам» (1; 26). Это описание имеет автобиографический характер, соответствуя памятным для автора местам усадьбы Даровое, где в детстве проводил каждое лето Ф.М. Достоевский. В своих

воспоминаниях А.М. Достоевский, брат писателя, вспоминает: «Местность в нашей деревне была очень приятная и живописная. Маленький плетневый, связанный глиною на манер южных построек, флигелек для нашего приезда состоял из трех небольших комнаток и был расположен в липовой роще, довольно большой и тенистой. Роща эта через небольшое поле примыкала к березовому леску, очень густому и с довольно мрачною и дикою местностью, изрытою оврагами. Лесок этот назывался Брыково. (Название это не раз встречается в многочисленных произведениях брата Федора Михайловича. Так, например, в «Бесах» местность поединка Ставрогина и Гаганова названа именем Брыково. {Прим. А.М. Достоевского.}). С другой стороны помянутого поля был расположен большой фруктовый сад десятинах на пяти. Вход в этот сад был тоже из липовой рощи. Сад был кругом огорожен глубоким рвом, по насыпям которого густо были посажены кусты крыжовника. Задняя часть этого сада примыкала тоже к березовому лесочку Брыково. Эти три местности: липовая роща, сад и Брыково были самыми ближайшими местами к нашему домику, а потому составляли место нашего постоянного пребывания и гулянья... <...> Лесок Брыково с самого начала очень полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединою рощею. Впрочем, маменька неохотно дозволяла нам гулять в этом леску, так как ходили слухи, что в тамошних оврагах попадаются змеи и забегают часто волки... <...> В первое же лето маменька распорядилась вырытием довольно большого пруда и запрудить его близ проезжей усадебной улицы. В конце же лета образовался пруд довольно глубокий, с очень хорошою водою...»²⁸.

6. «Волк бежит»

Варенька рассказывает о своем детском впечатлении, которое совпадает с тем, что пережил в раннем детстве сам писатель: «чей-то голос, как будто кто-то шепчет: “Беги, беги, дитя, не опаздывай; страшно здесь будет тотчас, беги, дитя!” — ужас пройдет по сердцу, и бежишь-бежишь так, что дух занимается. Прибежишь, запыхавшись, домой...» (1; 84). Как одно из важнейших воспоминаний детства Достоевского, связанное с его жизнью в Даровом летом в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг., писатель вспо-

минает в «Дневнике писателя» за 1876 год: «Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню <...> И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идет трудно, и до меня изредка долетает его окрик: “Ну-ну!” <...> Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: “Волк бежит”. Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пащего мужика <...> Он даже остановил кобыленку, заслышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав, то он разглядел мой испуг...». (22; 47—48).

7. Тяжба Горшкова

Нищета семьи Горшкова проистекает из-за того, что чиновник, находящийся под судом, отстранялся в бессрочный отпуск без сохранения содержания. В случае выигрыша дела в суде, период вынужденного отпуска засчитывался ему как оплачиваемое рабочее время, денежную компенсацию за этот период он получал немедленно после решения суда: «кто находился под судом и оным оправдан, то время суда из действительной службы не исключается»²⁹. Разумеется, проигрыш дела в суде означал полную невозможность получения каких-либо премий, наград и других поощрений начальства, а также, возможное понижение в должности, в соответствии с параграфом 15 «Положения о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы» (СПб., 1842), «никто не может быть представлен или удостоен к награде, пока находится под судом или следствием»³⁰.

Рассказ Девушкина о чиновнике Горшкове является парафразом типичной для 1830—1840-х гг. повести о «добродетельном чиновнике», подвергающемся жестоким и несправедливым преследованиям. В повестях Ф. Булгарина такого рода сюжеты заканчивались счастливым концом — чиновника оправдывали, награждали или даже чествовали, но у Достоевского история заканчивается трагически: человек у Достоевского, уже в первом его

произведении, не укладывается весь без остатка в нормативы и рамки социальной жизни. Нерешенность «вопроса о человеке» не может быть прикрыта такими мелочами, как «карьера» или «оправдание в суде».

8. Чижик

Описывая свою квартиру, в которой чадно, людно и тесно, Девушкин замечает: «У нас чижики так и мрут. Мичман уж пятого покупает, — не живут в нашем воздухе» (1; 22). Эта небольшая певчая птица пользовалась особой популярностью среди беднейших слоев петербургского общества: если богатые петербуржцы предпочитали канареек, то низшие слои населения — чижей, пользовавшихся репутацией «канареек для бедняков». Широкая распространенность чижей в домах петербуржцев была связана с хорошими певческими способностями, в сочетании с неприхотливостью и нетребовательностью к качеству корма³¹. Современник отмечает, что в России «в настоящее время почти нет ни одного дома, где под окном не висело бы клетки»³², «содержание певчих птиц в клетках — мода, которая не пройдет никогда», пока сохранится задача «оживлять весь дом»³³. Кроме того, хорошее самочувствие птиц, которое выражается в их пении, свидетельствовало о благоприятной экологической атмосфере в жилище горожанина: о свежем воздухе и отсутствии шума: духота и шум — самые большие враги певчих птиц, живущих в неволе. Пособие для любителей птиц, написанное через пять лет после «Бедных людей», свидетельствует, что особенно важно не шуметь рядом с клеткой, снимая и вешая клетку с птицей, «должно производить это без шуму...»³⁴.

Дешевизна чижей в сочетании с их большой популярностью приводили к тому, что птицы часто гибли от плохих условий содержания. Чижик, умирающий в тесной клетке, в середине XIX века служил распространенным обозначением бедного человека, безрезультатно стремящегося к изменению своей судьбы. Современник пишет: «кому не приводилось видеть чижики в маленькой грязной клетке, с красным лоскутиком, привязанным сверху и куском сахара или сухаря, воткнутым между спицами. Кормушка обыкновенно насыпана коноплею и тут же пучок зеленой травы.

До глубины души обидно видеть птицу при таком содержании, особенно чижику, эту драгоценную птицу, которая в каждой трущобе, в каждом грязном углу доставляет удовольствие и, скажем больше — облегчение в тяжелую минуту жизни»³⁵. Эту точку зрения подтверждает и литература: описывая этот эпизод, Достоевский мог с ироническим подтекстом вспоминать басню П.А. Вяземского «Два чижа», смысл которой близок к ситуации, в которой оказался Макар Девушкин, только что переехавший из хорошей квартиры в «Ноев ковчег» в виде угла кухни, отгороженном занавеской³⁶.

Девушкин совершенно правильно определяет причину гибели птицы: эта птица, отличающаяся стойким здоровьем и способностью легко адаптироваться к жизни в клетке, более всего нуждается в свежем воздухе. «Основная болезнь, которая развивается от духоты, темноты, холода и шума, это “мыть”, выражающая в том, что в горле и кишечнике птицы разворачивается патологический процесс: птица чихает и из ноздрей сочится слизь»; «если птицы дурно содержатся», «болезнь эта часто проявляется сначала слезою, а потом гниением глаз, а также и поражением горловых путей»³⁷. Шум, теснота и духота были причиной того, что неволя для птиц становилась невыносима: «угар есть самый губительный для птиц», указывает современник³⁸. Условия содержания птицы: «хороший корм, чистота клетки, светлое место и отсутствие холода и духоты — вот главные условия жизни птицы в клетке»³⁹, подчеркивается, что в случае, если в помещении «холодно и душно», «жизнь ее недолга»⁴⁰. Равно как и других обитателей душной и шумной квартиры Девушкина — «Ноева ковчега», описанного им в письме к Вареньке.

9. Чиновник по литературной части Ратазев

«Чиновниками по литературной части» в 1840-ые гг. именовали «чиновников, употребляемых по делам цензуры»⁴¹. Например, такого титула удостоивался тайный советник и известный литератор Греч, член-корреспондент Петербургской академии наук, секретарь и наместный мастер масонской ложи «Избранного Михаила», член Вольного общества любителей российской словесности. Греч принимал участие в разработке цензурного устава 1828

года, значительно смягчившего жесткие требования устава 1826 года, служил также в министерстве внутренних дел и в Ученом комитете при Министерстве народного просвещения. Другим известным Достоевскому «чиновником по литературной части» был В.Ф. Одоевский, много лет служивший в цензурном комитете; в 1833—1841 гг. председателем Петербургского цензурного комитета был Ф.И. Тютчев.

Говоря о творчестве Ратазьева, Девушкин говорит, что «оно хоть и немного затейливо и уж слишком игриво, но зато невинно, без малейшего вольнодумства и либеральных мыслей...», кроме того, по мнению, «Ратазьев прекрасного поведения и потому превосходный писатель, не то, что другие писатели» (1; 53). Это можно трактовать как очевидный выпад в сторону Ф. Булгарина, который своей общественной позицией и печатными выступлениями целенаправленно создавал образ правильного, лояльного власти писателя, служащего своей литературной деятельностью своему правительству. Девушкин называет Ратазьева «чиновником по литературной части», и это словосочетание точно описывает ту функцию «верноподданного писателя», которую проповедовал Ф. Булгарин своей общественной и творческой активностью⁴².

10. Публикация сведений о жизни государственных служащих

Девушкин жалуется Вареньке на «гноусное намерение Ратазьева нас с вами в литературу свою поместить и в тонкой сатире нас описать» (1; 70), видимо, этот эпизод «Бедных людей» связан с полемикой, которая развивалась в русской публицистике 1820-х гг. Обсуждалась совместимость государственной службы и занятия профессиональным литературным трудом; в связи с этим ставился вопрос о возможности публикации в прессе каких-либо сведений, касающихся условий быта и труда государственных служащих. В этом вопросе было два аспекта: моральный, о праве на вторжение в личную жизнь человека и публикацию его бытовой жизни, и официально-государственный, о пользе или вреде широкого обсуждения проблем, связанных с бытовыми условиями жизни чиновника. Обсуждение того, может ли один чиновник описывать личные дела другого, было настолько заметным явлением общественной жизни, что последовала реакция правительства.

Указом Александра I от 23 июля 1824 года объявлялось, что «его императорское величество находит полезным единожды навсегда принять за правило, чтобы российские чиновники, находящиеся на службе, нигде и ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, касающихся внешних и внутренних дел Российского государства не только без обыкновенной цензуры, но и без дозволений начальства». Современник свидетельствует, что цензура насколько активно включилась в работу по выявлению нарушений Указа, что иногда слово «чиновнику» заменялось цензором на словосочетание «служащий в конторе»⁴³.

В 1830-ые годы, после принятия более мягкого цензурного устава, ситуация резко изменилась, напротив, бедный чиновник обосновался в качестве одной из центральных фигур в тематическом поле русской литературы и публицистики. Исследователь этого вопроса Е. Карнович, не без сочувствия к участи государственных служащих, пишет: «как только печать наша почувствовала некоторую долю свободы, то первый ее натиск был направлен на чиновников без соображений с тем подневольным положением, в каком они находились»⁴⁴. Репутация чиновничества в эти годы в русском обществе была следующей: «чиновничество представляло у нас всегда самый смиренный, самый консервативный элемент»⁴⁵. В эти годы существовало мнение, что любое печатное слово о чиновнике должно исходить исключительно и только от его непосредственного начальства, все остальные освещения общественного и бытового аспектов его жизни оказывались противоправными и/или аморальными⁴⁶. Причину тому находили в априорной необъективности свидетельства одного чиновника о другом. Как свидетельствует современник, речь шла именно о моральном аспекте проблемы: «чиновники-литераторы», по его мнению, «должны были прекратить <...> хвалебные самим себе гимны», в равной мере также и «направленные против своих коллег обличения»⁴⁷. Порочность любого автора, который затрагивает тему жизни государственных служащих, по мнению современника, заключалась в том, что он, «нападая на низшее чиновничество, кадит вместе с тем перед высшим не только утонченным фемиамом, но донельзя удушливым ладаном»⁴⁸.

Здесь надо отметить, что первые сатирические выпады против конкретных должностных лиц в нашей литературе появились при Екатерине II, в рамках принятых в те годы «моральных

поучений» и пресловутой борьбы с «невежеством». Самым резким выступлением против должностного лица в литературе долгие годы считалась «Ябеда» Капниста. В 1830-ые годы в изобилии появились водевили, в которых содержались «куплетики невинно-насмешливого свойства над секретарями и заседателями, да в иных повестях выводилась с сатирическим, по тогдашним понятиям, направлением, жизнь мелких чиновников». В качестве общего названия такого рода текстов современник называет «водевильчик доброго старого времени под названием “Титулярный советник в домашнем быту”»⁴⁹. На новый уровень тему чиновничества подняла «натуральная школа» В.Г. Белинского и Н.А. Некрасова. В период подготовки реформ Александра II в защиту чиновничества выступили В.А. Соллогуб (пьеса «Чиновник», 1856 г.), с явным акцентом на моральной доброкачественности главного ее героя Надимова, а также Н.М. Львов с пьесой «Свет не без добрых людей», напечатанной в «Отечественных Записках» (1857 г.) и шедшей на Императорской сцене в Петербурге. Лучшим произведением на эту тему по праву считались «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1857).

Возмущение Девушкина повестью Н.В. Гоголя «Шинель» во многих деталях повторяет критику этого произведения Ф. Булгариным. Девушкин пишет: «это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник»; «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит? Нет, Варенька, прочтет да еще продолжения потребует. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено! Да тут и на улицу нельзя показаться будет; ведь тут это все так доказано, что нашего брата по одной походке узнаешь теперь». (1; 63) Девушкин здесь почти дословно повторяет слова, которые говорил Булгарин по отношению к произведениям Н.В. Гоголя: «нет и не бывало ни такого Ревизора, ни таких дворян русских, ни таких женщин, ни таких судей, ни такого городничего. Это фарс и притом самый неправдоподобный...»⁵⁰. Начиная с 1836 г. в критических

статьях, публикуемых в «Северной пчеле», Булгарин резко критиковал произведения Н.В. Гоголя. Не случайно, что когда Булгарин, увидев в авторе «Бедных людей» идейного врага, обрушился на его роман, Достоевский написал брату: «Но я помню, как встречали Гоголя» (28, I; 117).

11. Цитата из М.Ю. Лермонтова

«Сердца у них каменные; слова их жестокие» (1; 88) — аллюзия на стихотворение М.Ю. Лермонтова 1829 года «Два сокола»⁵¹.

12. Ф. Булгарин в образе Ратазьева

После посещения литературного кружка Ратазьева Девушкин излагает Вареньке усвоенные им эстетические концепции, имеющие много сходного с идеями Ф. Булгарина, изложенными им, например, в предисловии к своему собранию сочинений. Девушкин пишет: «Литература — это картина, то есть в некотором роде картина и зеркало; страсти выраженье, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ. Это я все у них наметался...» (1; 51).

Устойчивый образ литературы, который восходит к сравнению, сделанному в свое время Екатериной II; затем использовался в рамках «марксистской традиции» изучения литературы, сводившей функцию писателя к копированию действительности. Эти идеи проповедовались и в рамках «натуральной школы» Белинского-Некрасова постольку, поскольку литература приближалась в их понимании к описанию «физиологических» процессов в современном ей обществе⁵².

13. Пародия на Бестужева-Марлинского

В качестве образца литературного стиля Ратазьева Девушкин выписывает фрагмент из его «Итальянских страстей»: «Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела... — Графиня, — вскричал он, — графиня! Знаете ли вы, как

ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие?» (1; 52), представляющий пародию Достоевского на произведения А.А. Бестужева-Марлинского⁵³.

14. Парафраз «думы К.Ф. Рылеева»

Цитируемая Девушкиным повесть Ратазьева «Ермак и Зюлейка» (1; 53) имеет сюжетные и тематические корни в 12-ой «думе» К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака», ставшей к моменту написания романа «Бедные люди» народной песней⁵⁴.

15. Книжки с картинками

Девушкин говорит: «теперь все пошли книжки с картинками и с разными описаниями» (1; 60). Андрей Михайлович Достоевский вспоминает, что в самом раннем возрасте его брата и будущего писателя обучали грамоте по снабженному иллюстрациями изданию: «Сто четыре священных истории Ветхого и Нового завета», и дети часами рассматривали занимательные картинки, изображавшие «сотворение мира, пребывание Адама и Евы в раю, потоп и прочие главные священные факты». О глубоком впечатлении, которое осталось в памяти Достоевского на всю его жизнь, брат писателя пишет так: «Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Федором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге, и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (то есть наш, детский) и что он бережет его как святыню»⁵⁵.

Примечания

¹ Одоевский В.Ф. Собрание сочинений. — М. -Л., 1950. — С. 239—240.

² Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы (Петергоф, 3 июня 1842 года). — СПб., 1842.

³ Там же. — С. 3—4.

⁴ Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. С. 11.

⁵ Высочайшее повеление от 12 января 1833 года // Выписка из положения о порядке производства в чины по гражданской службе высочайше утвержденного в 25 день июня 1834 года. Гражданское чиновничество. — Шифр РНБ: 18.212. 1.262. — Часть Вторая. Правила особенные. О вступающих в службу с издания сего положения. — С. 9.

⁶ Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — Часть 3, параграф 36. — С. 21.

⁷ Выписка из положения о порядке производства в чины по гражданской службе высочайше утвержденного в 25 день июня 1834 года. — С. 10.

⁸ Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII — начало XX в. — М., 1991. — С. 348.

⁹ «К объявлению Высочайшего благоволения не могут быть представляемы чиновники, занимающие должности ниже восьмого класса»; «К подаркам с вензельным изображением имени его императорского величества удостоиваются только такие чиновники, которые состоят в чинах <...> не ниже пятого класса» (Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — С. 24, 25).

¹⁰ Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — С. 12.

¹¹ Выписка из положения о порядке производства в чины по гражданской службе высочайше утвержденного в 25 день июня 1834 года. — С. 10.

¹² Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — С. 13.

¹³ Подвиг человеколюбия, согласно документу, оценивается «до 200 рублей», такие подарки назначаются лицам мужского и женского пола и без различия возраста (включая детей), и без различия состояния (Свод правил о наградах, определяемых по удостоению комитета министров. — С.-Петербург, 1838. — С. 64—65).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Статут знака отличия беспорочной службы. Указ Николая I от 22 августа 1827 года. — Шифр РНБ: 38. 77. 1. 1764. — Параграф 1. — С. 3.

¹⁶ Там же. — Параграф 8. — С. 4.

¹⁷ Там же. — Параграф 21. — С. 7.

¹⁸ Там же. — С. 5.

¹⁹ «Время служения, за которое назначается знак отличия беспорочной службы, определяется состоящим в классах и выслужившим полных 15, 20, 25, 30, 35 и 40 лет и так далее... считая службу от первого обер-офицерского чина» (статус знака отличия беспорочной службы. — С. 4).

²⁰ Согласно параграфу 12 «Статута знака отличия беспорочной службы», получив очередной знак, чиновник обязан вернуть имеющийся у него знак «в Капитул, в форме отдачи его своему начальству» (Там же. — С. 5).

²¹ Получение награды целиком и полностью зависело от начальника того или иного чиновника, его продвижение по службе и награждение «за-

висит вообще от непосредственного его начальства» (Свод правил о наградах, определяемых по удостоению комитета министров. — С. 12—13).

²² Статут знака отличия беспорочной службы. — Параграф 13. — С. 5.

²³ Там же. — Параграфы 22 и 24. — С. 8—10.

²⁴ Там же. — Параграф 38. — С. 14.

²⁵ Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — С. 27.

²⁶ Свод правил о наградах, определяемых по удостоению комитета министров. — С. 8.

²⁷ Пушкин А.С. Станционный смотритель // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. — Т. 6. — Л., 1978. — С. 90.

²⁸ Воспоминания А.М. Достоевского цит. по изд: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. — Т. 1. — М., 1964. — С. 67. См. также: Накамура К. Деревня в «Бедных людях» // Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. — СПб., 1997. — СС. 163—206.

²⁹ Выписка из положения о порядке производства в чины по гражданской службе высочайше утвержденного в 25 день июня 1834 года. — Параграф 15. — С. 2.

³⁰ Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. — Параграф 15. — С. 8.

³¹ См.: Ак — ков Д. Записки московского охотника о комнатных певчих птицах. — М., 1860. — С. 92.

³² Там же. — С. 3.

³³ Там же. — С. 4.

³⁴ Венцеславский А. О певчих птицах и содержании их. — СПб., 1851. — С. 27.

³⁵ Шамов И.К. Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках. — М., 1876. — С. 151—152.

³⁶ Не исключены литературные аллюзии: чиж является персонажем басен И.А. Крылова «Чиж и еж», «Чиж и голубь» (Крылов И.А. Полное собрание сочинений в 3 тт. — Т. 3. — М., 1946. — С. 10, 19), а также басни П.А. Вяземского «Два чижа»: «— О чем так тужишь ты? — чиж говорил чижу. — Здесь в клетке во сто раз приятней жить, чем в поле. — Так, — молвил тот, — тебе, рожденному в неволе; Но я, я волю знал, и я о ней тужу» (Вяземский П.А. Стихотворения. — Л., 1958. — С. 119).

³⁷ Попов С.И. Охотник певчих птиц. — М., 1886—1887. — С. 113—114.

³⁸ Венцеславский А. О певчих птицах и содержании их. — С. 43.

³⁹ Шамов И.К. Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках. — С. 27.

⁴⁰ Там же. — С. 28.

⁴¹ Свод правил о наградах, определяемых по удостоению комитета министров. — С. 21.

⁴² Возможно, эти слова Девушкина являются парафразом похвал в адрес благонадежности Ф. Булгарина, в противовес «другим писателям», ко-

торые высказал в своей статье Н. Полевой. Затем их воспроизводит в одной из своих статей В.Г. Белинский (Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. — 1953—1959. — Т. 8. — С. 111).

⁴³ Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. — СПб., 1897. — С. 105.

⁴⁴ Там же. — С. 106.

⁴⁵ Там же. — С. 102.

⁴⁶ Там же. — С. 106.

⁴⁷ Там же. — С. 103.

⁴⁸ Там же. — С. 104.

⁴⁹ Там же. — С. 105.

⁵⁰ Северная пчела. — 1841. — № 286. 20 декабря. — С. 1142.

⁵¹ «Ах, я свет возненавидел — И безжалостных людей». — «Что ж ты видел там худого?» — «Кучу каменных сердец ...») (Лермонтов М.Ю. Два сокола («Степь, синяя, расстилалась...»)) // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 тт. — Т. 1. — Л., 1989. — С. 87).

⁵² Согласно мнению Т. Кузовкиной, «в этой формуле кратко передано содержание болгаринского предисловия к “Ивану Выжигину” в собрании сочинений 1843—44 гг. с устойчиво повторяемым в них сравнением “благонамеренной сатиры” с волшебным зеркалом» (Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. (Диссертация) // http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/10062/2911/6/tatjana_kuzovkina_uus.pdf)

⁵³ См., например: Бестужев-Марлинский А.А. Изменник. Испытание. Страшное гадание. // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2-х тт. — Т. 1. — М., 1981.

⁵⁴ См. в кн.: Рылеев К.Ф. Думы — М., 1975.

⁵⁵ Достоевский в воспоминаниях современников. — Т. 1. — М., 1964. — С. 74.